

ЗАМЕТКИ О ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Древнекитайский язык занимает уникальное место в типологической классификации языков мира, прежде всего ввиду своей полной аморфности, т. е. отсутствия какой бы то ни было морфологии (за исключением, пожалуй, некоторых рудиментов словообразования, см. ниже), а также такой универсальной категории, как части речи. Мне кажется поэтому интересным попытаться описать то, каким образом язык может обходиться без столь привычных явлений, тем более, что последовательное описание древнекитайской системы пока отсутствует. Несмотря на наличие больших грамматик (см. [Dobson 1962a; 1962b; 1964; Wang Li 1964]) и весьма полезного очерка [Яхонтов 1965], многие аспекты древнекитайского языка до сих пор по существу не описаны: так, базисное для древнекитайского языка противопоставление «эндоактивных» и «экзоактивных» слов намечено только в небольшой работе [Cikoski 1978].

Данная работа первоначально была написана для публикации в серии «Языки мира», что объясняет, с одной стороны, ее краткость, а с другой — попытку обозреть всю систему древнекитайского языка на протяжении его тысячелетней письменной истории.

Историю древнекитайского языка (по различным грамматическим и фонетическим критериям) можно разделить на пять основных периодов: 1) архаический древнекитайский (XIV–XI вв. до н. э.); 2) доклассический древнекитайский (X–VI вв. до н. э.); 3) классический древнекитайский (V–III вв. до н. э.); 4) поздний классический древнекитайский (II в. до н. э. — II в. н. э.); 5) постклассический древнекитайский (III–VI вв. н. э.). С VII в. н. э. начинается уже среднекитайский период.

В настоящем очерке мы за основу берем систему классического древнекитайского языка (с некоторыми экскурсами в более ранние и более поздние периоды).

Фонологические сведения

Фонологическая система древнекитайского языка, ввиду специфического характера письменности, не поддается непосредственному наблюдению и нуждается в реконструкции. Основными источниками сведений о древнекитайской фонетике являются фонограммы (иероглифы фонетической категории) и система рифм древнекитайской поэзии. Сочетая информацию этих двух источников с тем, что мы знаем о среднекитайской фонетике VII в. н. э. (в этот период и несколько позже уже появляются фонетические словари и таблицы, по которым с достаточной надежностью определяется фонологическая система среднекитайского языка), а также с данными современных архаичных диалектов (особенно южнокитайских диалектов группы Минь), мы можем более или менее достоверно восстановить фонологическую систему всех этапов развития древнекитайского языка.

Древнекитайский язык относился к числу моносиллабических (т. е. слоговые границы в общем случае совпадали с морфемными и словесными). Слог делился на две органичных составляющих: инициаль (начальный согласный) или инициальная группа + финаль. Финаль слога состояла из слогообразующего гласного и терминали (т. е. конечнослогового согласного или группы согласных). Перед слогообразующим гласным могла находиться еще медиаль (промежуточный гласный), хотя до классического периода медиалей в древнекитайском еще не существовало.

Система инициалей классического древнекитайского языка следующая:

Способ образования	Шумные						Сonorные					
	Смычные				Спиранты		Назальные			Оральные		
	Непридых.		Придых.									
Место образования	Гл.	Зв.	Гл.	Зв.	Непр.	Прид.	Зв.	Гл.	Прид.	Зв.	Гл.	Прид.
Лабialsные	p	b	ph	bh			m	m̃	mh	w	w̃	wh
Дентальные	t	d	th	dh			n	ñ	nh	r	r̃	rh
Велярные	k	g	kh	gh			ŋ	ŋ̃	ŋh			
Латеральные	ʎ	ʎ̃	ʎh	ʎh̃			l	l̃	lh			
Свистящие	s	ʒ	ch	ʒh	s	sh						
Ларингалы	ʔ					h						

Все согласные (кроме латеральных и *r*) могли сочетаться с последующим *r* (образуя сочетания *pr*, *br*, *kr*, *?r* и т. п.). Сонорные согласные, кроме того, могли вступать в сочетания с начальным *s*-, причем фонетически эти сонорные были глухими (т. е. *sm*, *sw*, *sn*, *sr*, *sn*), хотя фонологически противопоставления сонорных по ларингальным признакам в этой позиции были нейтрализованы. Наконец, все инициалы (кроме лабиальных) и группы инициалей могли вступать в сочетание с последующей медиалью *w*.

Систему финалей классического древнекитайского языка можно представить следующим образом:

	Терминаль									
(Медиаль) + гласный	p	m	t	n	j	k	ŋ	ʔ	ć	h
i	ip	im	it	in	ij	–	–	–	ić	–
wi	–	–	wit	win	wij	–	–	–	wić	–
e	ep	em	et	en	–	ek	eŋ	e	eć	eh
we	–	–	wet	wen	–	wek	wen	we	wec	weh
ə	əp	əm	ət	ən	əj	ək	əŋ	ə	əć	əh
wə	–	–	wət	wən	wəj	wək	wən	wə	wəc	wəh
a	ap	am	at	an	aj	ak	aŋ	a	ać	ah
wa	–	–	wat	wan	waj	wak	waŋ	wa	wac	wah
u	–	–	–	–	–	uk	uŋ	u	–	uh
o	–	–	–	–	–	ok	oŋ	o	–	oh
iu	–	–	–	–	–	iuk	–	iu	–	iuh
eu	–	–	–	–	–	euk	–	eu	–	euh
au	–	–	–	–	–	auk	–	au	–	auh
ia	–	–	–	–	iaj	iak	–	ia	–	iah

Все гласные и дифтонги, по-видимому, могли быть долгими или краткими (хотя не исключено, что основным параметром в этом противопоставлении была не долготы/краткость, а напряженность/ненапряженность, т. е. фонация).

Из конечных сочетаний согласных в классическом древнекитайском были представлены только сочетания типа «сонорный + *h*» (т. е. *mh*, *nh*, *jh*, *ŋh*).

Обрисованная выше система фонем классического древнекитайского языка является несколько модифицированной по сравнению с

более ранними (архаическим и доклассическим) периодами. Основные отличия доклассической системы от описанной выше следующие:

1) глухих сонорных не существовало (они развились из доклассических сочетаний *sm*, *sn*, *sn̥*, *sw*, *sl*; на месте классических древнекитайских *sm̥*, *sn̥*, *sn̥h*, *sw̥*, *sl̥* в доклассическом, по-видимому, были сочетания «*s* + придыхательный сонорный», т. е. *smh*, *snh*, *sn̥h*, *swh*, *slh*;

2) имелся особый ряд лабиовелярных и лабиоларингальных согласных, разложившихся в классическом древнекитайском на сочетания «согласный + *w*»;

3) имелся отдельный ряд палатальных аффрикат, совпавших к классическому периоду со свистящими;

4) медиали *w* еще не существовало (в классическом древнекитайском она появилась частично в результате разложения лабиализованных, частично — в результате перехода *u*, *o* в *wə*, *wa* перед конечными переднеязычными согласными);

5) имелась терминаль *r*, в классическом древнекитайском совпавшая с *n* (хотя в некоторых диалектах *-r* еще сохранялся);

6) финалей с нисходящими дифтонгами *iu*, *eu*, *au* еще не существовало, а на их месте были представлены финали с конечными согласными *k^w* и *w*;

7) в архаическом древнекитайском имелся конечный согласный *s* (или *ś*), сочетавшийся со всеми прочими терминалями (но уже в доклассическом языке *-s*, *-ks* > *-h*, *-ts*, *-ps* > *č*).

На протяжении последующих периодов истории древнекитайского языка система его фонем очень существенно трансформировалась: утратился класс звонких придыхательных шумных и придыхательных сонорных; глухие сонорные перешли в глухие придыхательные смычные или спиранты, а сочетания типа *sn* упростились в *s*; исчез латеральный ряд шумных (латеральные в зависимости от позиции перешли в денальные смычные или в палатальные аффрикаты и спиранты); в ряде позиций произошли палатализация и последующая аффрикатизация денальных и велярных; упростились сочетания с *-r-*, в результате чего возникли, с одной стороны, ретрофлексные инициали, а с другой — ретрофлексные гласные; латеральный сонорный (как и прочие латеральные) утратил латеральность и перешел в *d* либо *z/j* (по позициям), а сонорный *r* перешел в *l*; придыхательный спирант *sh* по диалектам совпал либо с *ch*, либо с *s*; существенно модифицировалась система гласных; конечный *j* в ряде случаев отпал; конечный *č* (через ступени *ś* и *ž*) перешел в *j*, причем в соответствующих слогах возник падающий тон; отпал конечный *h*, также вызвав

возникновение в соответствующих слогах падающего тона. В результате всех этих изменений к началу 7 в. н. э. возникла среднекитайская система, зафиксированная в словаре «Цеюнь» и имеющая в фонетической интерпретации следующий вид:

1. Инициали.

Способ образования	Шумные					Сонорные	
	Смычные			Спиранты		Назальные	Оральные
Место образования	Глух.	Звонк.	Глух. придых.	Глух.	Звонк.		
Лабialsные	p	b	ph			m	w
Дентальные	t	d	th			n	l
Ретрофлексные (смычные)	ʈ	ɖ	ʈh			ɳ	
Велярные	k	g	kh	x	ɣ	ŋ	
Свистящие	s	ʒ	ch	s	z		
Палатальные	ç	ʒ	çh	ʃ	ʒ	ɲ	j
Ретрофлексные (аффрикаты, спиранты)							
Ларингальные	ʔ				h		

2. Медиали: w, j.

3. Гласные.

а) напряженные:

i	í	u
e	é	o
ä	â	

б) ненапряженные:

			u
e	ə	o	
			â

- в) ретрофлексные: *a, ä*.
 г) дифтонги: (*ie = e*), (*ai = u*), *äi, ai, äi, ai*.

4. Терминали:

p	m	w
t	n	j
k	ŋ	0

Данная система в каком-то смысле является «праязыковой» для всех современных китайских диалектов (за исключением южнокитайских диалектов группы Минь). Что касается литературного севернокитайского диалекта, то в нем к концу среднекитайского периода (к XIV в.) эта система уже значительно упростилась: утратилось противопоставление по глухости/звонкости; ретрофлексные (взрывные и аффрикаты) и палатальные аффрикаты совпали в одном ряду ретрофлексных аффрикат; аналогичным образом ретрофлексные и палатальные спиранты совпали в одном ряду ретрофлексных спирантов; лабиальные согласные в определенных позициях перешли в спиранты *f, v*; сонорный *ŋ* перешел в *z*; во многих случаях развилась новая медиаль *i*, совпавшая со старой *j*; сильно упростилась система гласных (в частности, утратилось противопоставление напряженных, ненапряженных и ретрофлексных гласных); отпали терминали *p, t, k*. В результате всех этих изменений китайская фонетика приобрела уже вид, сходный с современным.

Грамматическое описание

Морфологическое выделение частей речи в древнекитайском языке невозможно (ввиду отсутствия морфологии). О выделении в древнекитайском разрядов слов см. ниже.

В китайском языке функцию именных классификаторов выполняют счетные слова; однако они начали более или менее широко применяться только в постклассический период, а в классическом древнекитайском еще практически отсутствовали. Таким образом, в классическом древнекитайском качественные именные классификации никакого формального выражения не имели.

Категория числа в древнекитайском языке отсутствовала. При необходимости специально выразить значение множественности

использовались кванторные служебные слова 凡 *bram* /фань/, 諸 *ta* /чжу/, 俱 *ko* /цзюй/, 皆 *krāj* /цзе/, 各 *krāk* /гэ/, а также числительные.

В позднем классическом языке в качестве показателей множественного числа (чаще всего при личных местоимениях) начинают использоваться слова (суффиксы) 屬 *dok* > *žok* /шу/, 曹 *zū* /цао/, 等 *tāη* /дэн/. Таким образом, зачатки появления категории множественного числа можно датировать эпохой Хань.

Категория падежа в древнекитайском языке отсутствовала. Отношения актантов между собой и с предикатами выражались посредством порядка слов и служебных слов (см. ниже). Единственный фрагмент древнекитайской системы, где можно усмотреть специальное (супплетивное) выражение падежных отношений — это система личных местоимений. В классическом языке для некоторых из них можно выделить три «падежных» формы: субъектную, объектную и атрибутивную (притяжательную). Ср.:

	1-е л. (инклюзив)	1-е л. (эксклюзив)	2-е л.	3-е л.
субъект	吾 <i>ŋhā</i> /у/	予, 余 <i>La</i> /юй/	汝 <i>nha</i> /жу/ 若 <i>nhak</i> /жо/ 爾 <i>nhej</i> /эр/	Ø
объект	我 <i>ŋhāj</i> /во/	予, 余	汝, 若, 爾	之 <i>tə</i> /чжи/
атрибут	吾, 我	朕 <i>Lhəŋ</i> /чжэнь/	乃 <i>nhə</i> /най/ 而 <i>nhə</i> /эр/	其 <i>gə</i> /ци/

Однако строго принцип противопоставления этих трех форм выдержан только в 3-м л.; для местоимений 1-го и 2-го л. наблюдаются более или менее частые колебания в употреблении различных форм.

Дейктические категории в древнекитайском языке отсутствовали. Значение категории лица в случае необходимости передавалось личными местоимениями. Значение категории определенности/неопределенности как будто бы не выражалось вовсе. Время также, как правило, не выражалось: в случае необходимости уточнить время действия, использовались служебные глаголы 既 *kəs* /цзи/ 'закончить', 已 *la* /и/ 'закончить, завершить', 嘗 *daŋ* /чан/ 'пробовать', 將 *caŋ* /цзян/ 'собираться' (см. ниже). Общий дейксис осуществлялся посредством указательных местоимений (см. ниже); пространственный и временной дейксис — при помощи соответствующих знаменательных слов. Отрицание выражалось при помощи отрицательных наречий (см. ниже).

Значения, соответствующие значениям наклонений, передавались либо союзами (см. ниже), либо знаменательными (модальными) предикатами, либо никак не передавались. Также никакого формального выражения не имело значение переходности/непереходности. Наконец, версионные значения (возвратность, взаимность) в древнекитайском языке передавались специальными местоименными наречиями 自 *zì* /цзы/, 相 *shāng* /сян/ (см. ниже).

Семантико-грамматические разряды слов (части речи)

Вопрос о частях речи в древнекитайском языке вызывает большие споры, поскольку какие-либо морфологические критерии для их выделения отсутствуют. Если попытаться дать чисто синтаксическую классификацию древнекитайских слов, то она будет выглядеть следующим образом.

1. Слова, которые не могут выступать в качестве членов предложения. Сюда относятся частицы, оформляющие высказывание, и показатели синтаксических отношений. В классическом древнекитайском языке имеются следующие частицы:

也 *lhiáj* /e/ — конечная эмфатическая частица, маркирующая конец предложения (или тематического придаточного). Она омонимична с эквативной частицей 也 *lhiáj* /e/ (смысл А = В передается в древнекитайском как А В *lhiáj*);

夫 *ba* /фу/ — конечная восклицательная частица, вносящая значение сожаления ('увы!');

乎 *wā* /ху/ — конечная частица, обозначающая общий и риторический вопрос. При наличии в предложении наречия 其 *gā* /ци/ сообщает предложению значение восклицания (без вопроса). В сочетании с предшествующей частицей 也 *lhiáj* приобретает вид 與 *lha* /юй/ или 邪 *lhia* /e/. Если предложение заканчивается местоимением 之 *tā* /чжи/, происходит слияние *tā + wā > 諸 tā* /чжу/;

耳 *nhā* /эр/ — конечная ограничительная частица ('и только');

矣 *xá* /и/ — конечная частица, оформляющая рему (вводящая новое в противовес старому). Часто имеет значение, сходное со значением перфекта;

哉 *cā* /цай/ — конечная восклицательная частица.

Конечные частицы *lhiáj?*, *xá?*, *cā* (> класс. *lhiáj*, *xá*, *cā*) появляются в древнекитайских памятниках, начиная с VII в. до н. э.; в ранних надписях они полностью отсутствуют. Частицы *ba*, *wā*, *lha/lhia*, *nhā*

появляются только в классических текстах. В постклассическом древнекитайском сохраняются только частицы *zhjá* (< *lhiáj*), с вопросительной формой *zhja* (< *lhia*) и *ñhi* (< *nhá*). Вместо вопросительной частицы обычно используется отрицание 否, 不 *pəw* < *pə* /фоу, бу/.

К показателям синтаксических отношений в классическом древнекитайском относились:

之 *tə* /чжи/ — показатель атрибутивного отношения (см. ниже), ставился после определения перед определяемым;

而 *nə* /эр/ — показатель сочинительно-противительного отношения между предикатами. После редуцированных предикатов (с экспрессивным значением) может выступать в редуцированном виде 然 *nan* /жань/;

及 *gəp* /цзи/, 與 *lá* /юй/ — синонимичные показатели сочинительного отношения между актантами.

Изредка встречаются еще показатели разделительной связи между актантами (若 *nək* /жо/ ‘или’) или предикатами (抑 *ʔək* /и/ ‘или’).

Показатели сочинительных связей *gəp*, *laʔ* (> *lá*), *nə* появляются в памятниках одновременно с конечными частицами (в архаических и ранних доклассических текстах сочинительная связь между предикатами не обозначалась, а вместо союзов *gəp*, *lá* выступал союз 還 *lāp* /та/. Заметим, что все эти союзы обнаруживают прозрачную связь со знаменательными словами: 及 *gəp* /цзи/ ‘достигать’, 還 *lāp* /та/ ‘приходить, достигать’, 與 *lá* /юй/ ‘быть вместе с; давать’).

Атрибутивная связь в архаическом древнекитайском еще не маркировалась никакими служебными словами. В доклассический период в этой функции начинает употребляться атрибутивная форма местоимения 3-го л. 厥 *k^wat* /цзюэ/ (‘его’), а также объектная форма того же местоимения — 之 *tə* /чжи/ (последний факт довольно странен; не исключено, что объектное местоимение *tə* и показатель атрибутивной связи *tə* — исторически все-таки разные, хотя и омонимичные морфемы). В классический период форма *k^wat* исчезает, и *tə* становится единственным показателем атрибутивной связи.

В постклассический период синтаксические показатели *tə* и *nə* снова выходят из употребления (по-видимому, в результате фонетической редукции).

2. Слова, выступающие в качестве членов предложения (т. е. в качестве актантов, атрибутов и предикатов). Эти слова распадаются на следующие группы:

2.1. Слова, выступающие в любой синтаксической функции. Сюда относятся практически все т. н. «знаменательные» слова (соответствующие по значению существительным, прилагательным, глаголам, числительным и наречиям европейских языков). Попытки классификации этих слов по «частям речи» в основном исходят из статистических соображений: действительно, слова с предметным или личностным значением чаще употребляются в функции актантов, а слова со значением действия или состояния — в функции предикатов. Когда эта зависимость нарушается (что возможно практически для любого слова), говорят о «необычном употреблении частей речи». По-видимому, имеет смысл отказаться от этой классификации, но в словаре указывать значение каждого слова в актантной, предикативной, определительной и обстоятельственной функциях. При таком подходе мы обнаруживаем, что знаменательные слова древнекитайского языка по семантико-синтаксическим характеристикам распадаются на два больших класса, которые мы называем соответственно «экзоактивными» и «эндоактивными» словами.

«Экзоактивные» слова — это слова, которые в предикативной функции при наличии объекта обозначают переходное действие, а при отсутствии объекта обозначают результат этого действия (или состояние), характеризующий субъект. Иными словами, если обозначить «экзоактивное» слово как X, субъект — как A, а объект — как B, то получаем следующую диатезную ситуацию:

A X : A (X) или же A X B : A caus(X) B,

где (X) можно истолковать как 'подвергается действию X', а caus(X) B — как 'каузирует B совершить X'.

Такие слова в актантной и атрибутивной функциях имеют либо значение конкретных предметов или лиц, либо абстрактное значение свойств, процессов (или их результатов).

К этому классу относится большинство слов, соответствующих по значению предметным существительным (например, 罟 *mhaŋ* /ван/ 'сеть': A *mhaŋ* 'A пойман в сеть'; A *mhaŋ* B 'A ловит B в сеть'), названиям лиц (например, 王 *whaŋ* /ван/ 'царь': A *whaŋ* 'A царствует'; A *whaŋ* B 'A делает B царем'), прилагательным (小 *seu* /сяо/ 'маленький, нечто малое': A *seu* 'A мал'; A *seu* B 'A уменьшает B' или 'A считает B маленьким'), числительным (一 *?it* /и/ 'одна (вещь)'; A *?it* 'A один', A *?it* B 'A объединяет B'), переходным глаголам (殺 *srāt* /ша/ 'убийство': A *srāt* 'A убит', A *srāt* B 'A убил B').

Если X обозначает качество (т. е. соответствует по значению нашим прилагательным), то наряду с трансформацией $A X \rightarrow A \text{caus} (X) B$ ($A \text{seu} B$ 'А уменьшает В') часто встречается трансформация $A X \rightarrow A \text{put} (X) B$ ($A \text{seu} B$ 'А считает В маленьким').

В функции определения «экзоактивные» слова могут определять как свой логический субъект, так и объект. Из конструкции A 賢 $g\bar{i}n$ /сянь/ 'А умен' мы получаем, таким образом, $g\bar{i}n A$ 'умный А'; из конструкции $A g\bar{i}n B$ 'А считает В умным' — $g\bar{i}n B$ 'В, которого считают умным'. Для избежания двусмысленности в последнем случае перед «экзоактивным» словом обычно ставится служебный глагол 所 $sr\acute{a}$ /со/ 'подвергаться' (см. ниже): $sr\acute{a} g\bar{i}n B$ 'В, которого считают умным'.

К «экзоактивным» словам относятся также модальные слова 可 $kh\acute{a}j$ /кэ/ 'быть возможным', 足 cok /цзу/ 'быть достаточным, надлежащим, стоящим', 易 leh /и/ 'быть легким', 難 $n\bar{a}n$ /нань/ 'быть трудным'. При наличии объекта, обычно являющегося словом со значением действия, они приобретают значение 'делать В возможным' = 'давать возможность В' и т. п. Например:

王 可 弑 $wha\eta kh\acute{a}j \lambda\acute{a}h$ /ван кэ ши/ 'Царь дает возможность (себя) убить' = 'Царя можно убить';

王 足 弑 $wha\eta cok \lambda\acute{a}h$ /ван цзу ши/ 'Царь делает стоящим (свое) убийство' = 'Царя стоит убить';

王 易 弑 $wha\eta leh \lambda\acute{a}h$ /ван и ши/ 'Царь делает легким (свое) убийство' = 'Царя легко убить' и т. п.

Таким образом, эти модальные слова обладают интересным свойством: они как бы меняют диатезу высказывания, превращая даже управляемые ими эндоактивные слова в экзоактивные. Ср.:

王 可 畏 $wha\eta kh\acute{a}j \text{?}w\acute{a}c$ /ван кэ вэй/ 'Царь дает возможность (его) бояться' (но $wha\eta \text{?}w\acute{a}c$ /ван вэй/ значит не '(Кто-то) боится царя', а 'Царь боится').

«Эндоактивные» слова — это слова, которые в предикативной функции сохраняют одно и то же значение, как при наличии объекта, так и при его отсутствии. Сюда относятся слова, соответствующие по значению глаголам движения, пребывания, аффективным глаголам, а также слова, обозначающие физиологическое действие или состояние. Ср.: $A \wedge n\bar{a}p$ /жу/ 'А вошел', $A n\bar{a}p B$ 'А вошел в В'; $A \text{?}r\bar{a}p$ /ли/ 'А стоит', $A r\bar{a}p B$ 'А стоит в В'; $A \text{?}w\acute{a}c$ /вэй/ 'А боится', $A \text{?}w\acute{a}c B$ 'А боится В'; $A \text{?}re$ /чжи/ 'А знает', $A \text{?}re B$ 'А знает В'; $A \text{?}l\acute{a}k$ /ши/ 'А ест', $A \text{?}l\acute{a}k B$ 'А ест В' и т. п.

Такие слова в актантной и определительной функциях имеют только значение абстрактного процесса ('стояние; стоящий'; 'страх; боящийся' и т. п.).

Если «эндоактивное» слово в атрибутивной позиции определяет свой логический объект, то перед ним (как и перед «экзоактивными» словами, см. выше) ставится служебный глагол 所 *srá* /co/: 所欲者 *srá lhok tíá* /со юй чжэ/ 'то, чего (кто-то) хочет', 所立庭 *sra rəp Łēŋ* /со ли тин/ 'двор, где (кто-то) стоит' и т. д.

К «эндоактивным» следует относить также такие модальные слова, как 能 *nā* /нэн/ 'мочь', 欲 *lhok* /юй/ 'хотеть', 敢 *kām* /гань/ 'сметь', обычно употребляющиеся с дополнением, обозначающим действие или состояние, и в любых контекстах в предикативной функции сохраняющие свое значение.

В раннем древнекитайском существовало, по-видимому, регулярное средство «экзоактивизации» эндоактивных слов (суффикс -s). В классическом древнекитайском этот способ уже был непродуктивным, и в ряде случаев мы наблюдаем, как одно и то же слово может входить в оба класса без формальных изменений (А *rəp* В 'А стоит в В' и 'А ставит В'). Определить значение предиката здесь можно только по значению объекта (в первом случае объект пространственный, во втором — предметный или одушевленный). Не исключено, однако, что здесь налицо омография, и до нас дошло только одно чтение иероглифа из двух реально существовавших.

Различие между «эндоактивными» и «экзоактивными» словами постепенно перестает играть роль, начиная с рубежа нашей эры. Однако возникновение частей речи в собственном смысле этого слова в древнекитайском языке, по-видимому, можно датировать только постклассическим периодом. В этот период возникают морфологические различия между именами и предикативами (именной префикс 阿 *ā* /a/; именные суффиксы 子 *cjə* /цзы/, 頭 *dhou* /тоу/ и др.; счетные слова; составные предикативы), а синтактико-семантические различия между экзоактивными и эндоактивными словами утрачивают свое значение в связи с развитием категорий залога и косвенного (предложного) объекта.

3. Слова, имеющие дефектную синтаксическую парадигму, т. е. могущие выступать не во всех синтаксических функциях. Это т. н. «служебные слова». Их можно подразделить на следующие подклассы:

3.1. Слова, выступающие только в функции актантов и атрибутов. Это местоимения:

1) 吾 *ŋhā* /y/ (суб., атр.), 我 *ŋhāj* /vo/ (об., атр.) 'я, мы' (инкл.). В архаическом древнекитайском и в ранний доклассический период использовалась только форма *ŋhāj?* (> *ŋhāj*) (во всех функциях); форма *ŋhā* в текстах появляется начиная с VI в. до н. э.;

2) 予, 余 *La* /юй/ (суб., об.), 朕 *Lhán* /чжэнь/ (атр.) ‘я, мы’ (экскл.). Начиная с позднего классического периода формы эксклюзива постепенно выходят из употребления;

3) 汝 *nha* /жу/, 若 *nhak* /жо/, 爾 *nhe* /эр/ (суб., об.), 乃 *nhā* /най/, 而 *nhə* /эр/ (атр.) ‘ты, вы’. Начиная с середины классического периода форма *nhe* вытесняет формы *nhā*, *nhə* в атрибутивной функции, но при этом сама перестает употребляться в функции объекта. В постклассическую эпоху происходит унификация и во всех функциях сохраняется только форма *nhə* (< *nha*);

4) ∅ (суб.), 之 *tə* /чжи/ (об.), 其 *gə* /ци/ (атр.) ‘он, она, оно, они’. В архаических текстах формы 3-го л. не засвидетельствованы. В раннем доклассическом языке появляется объектная форма *tə* и атрибутивная форма 厥 *k^wat* /цзюэ/; но уже в позднем доклассическом наряду с *k^wat* начинает употребляться *gə*, оставшееся единственной формой в классическом языке. В постклассическую эпоху в субъектной функции начинают употребляться формы 伊 *?ji* /и/, 渠 *gə* /цюй/. Они быстро вытесняют также и формы *tə* > *éi*, *gə* > *gi* в объектной и атрибутивной функциях. Однако и эти формы существуют недолго, и начиная со среднекитайского периода местоимением 3-го л. становится 他 *thā* /то, та/ (< *lāj* ‘другой’);

5) 他 *lāj* /то/ ‘другой, нечто другое, по-другому’;

6) 是 *dé* /ши/ ‘этот, этак’ (о чем-то, упомянутом перед этим в речи);

7) 此 *ché* /цы/ ‘этот, здесь’ (о чем-то, находящемся вблизи от говорящего);

8) 斯 *se* /сы/ то же (различие между *ché* и *se* не вполне ясно, возможно — диалектальное);

9) 彼 *páj* /би/ ‘тот, там’.

Из указательных местоимений в архаических и ранних доклассических текстах встречались только 茲 *sə* /цзы/ ‘этот’ и 他 *slāj* (класс. *lāj*) /то/ ‘тот, другой’. Уже в позднем доклассическом языке форма *sə* выходит из употребления, заменяясь на *chéj?* (класс. *ché*), *se*; появляется пара *de?* (> *dé*) — *paj?* (> *páj*). Эта ситуация сохраняется вплоть до постклассического периода, когда (*dé* >) *zé*, (*se* >) *sje* перестают употребляться в качестве местоимений (при этом *zé* приобретает функцию связки при именном сказуемом), (*lāj* >) *thā* начинает играть роль местоимения 3-го л., и из собственно указательных местоимений сохраняются только 此 (*ché* >) *chjé*, 彼 (*páj* >) *pé*;

10) 己 *ká* /цзи/ ‘себя, свой’ (об., атр.) — возвратное местоимение, кореферентное подлежащему главного предложения;

11) 者 *tiá* /чжэ/ ‘тот, который...’ — относительное местоимение, выступает только в качестве актанта. Оно зафиксировано только начиная с позднего доклассического периода (*tia?* > *tiá*);

12) 誰 *dwəj* /шуй/ — вопросительное местоимение ‘кто? чей?’;

13) 何 *ghāj* /хэ/, 奚 *ghē* /си/, 胡 *ghā* /ху/ — различные (диалектальные?) разновидности вопросительного местоимения ‘что? какой? куда, почему?’ (наиболее употребительна первая форма).

В архаических текстах вопросительные местоимения отсутствуют (по-видимому, ввиду специфики текстов). В ранних доклассических текстах употребляются вопросительные местоимения 誰 *dru* /чоу/ ‘кто’ и 曷 *ghāt* /хэ/ ‘что’, однако уже в позднем доклассическом появляются формы *duj* (> *dwəj*), *ghā* и *ghāj*;

14) 諸 *ta* /чжу/ — кванторное местоимение ‘весь, все’ (имеющее только атрибутивную функцию);

15) 每 *mā* /мэй/ — кванторное местоимение ‘каждый’ (также лишь в атрибутивной функции).

3.2. Слова, выступающие только в функции определения к предикату (обстоятельства). Их можно назвать «служебными наречиями». В предложении они занимают место строго после субъекта перед предикатом. Сюда относятся:

а) утвердительные служебные наречия:

1) 乃 *nhā* /най/ ‘тогда; и значит...; оказалось, что...’. Встречается уже в самых ранних текстах. В поздних классических текстах появляется также служебное слово 即 *sjək* /цзи/ с теми же значениями, а в пост-классическом языке — 便 *bjen* /бянь/;

2) 又 *wəh* /ю/ ‘тоже, еще, кроме того, опять’ (также встречается уже в самых древних текстах);

3) 亦 *lhiak* /и/ ‘тоже, также; опять-таки’;

4) 尚 *danh* /шан/ ‘все еще, все-таки, даже’;

5) 其 *gə* /ци/ ‘пусть, давайте’. Придает сказуемому повелительный или пожелательный оттенок; при наличии конечной частицы 乎 *wā* /ху/ — эмфатически-восклицательное значение. В архаическом и доклассическом языке *gə* широко применялось как наречие с неопределенным значением, просто указывающее на то, что за ним следует сказуемое;

6) 況 *tanh* /куан/ ‘тем более’. Это наречие отличается тем, что требует эллипсиса определяемого им предиката и постановки в предшествующем предложении наречий 尚 *danh* /шан/, 且 *chia* /це/ или служебного глагола 猶 *lu* /ю/ (см. ниже);

7) 苟 *kō* /гоу/ ‘любим способом, лишь бы только’. В составе уступительного придаточного часто может переводиться как ‘если (бы)’;

8) 且 *chia* /це/ ‘к тому же, кроме того’. Уже начиная с доклассической эпохи часто используется в качестве союза, связывающего однородные предикаты;

9) 徒 *dā* /ту/ ‘только’;

10) 蓋 *kāc* /гай/ ‘кажется, вероятно’;

11) 俱 *ko* /цзюй/ ‘вместе, совместно’;

12) 自 *zic* /цзы/ ‘самостоятельно; себя’ (корреферентно с субъектом определяемого предиката). В поздний классический период начинает вытесняться словом 親 *shjan* /цинь/ (докласс., класс. *shan* ‘близкий, родственник, родственник’);

13) 相 *saŋ* /сян/ ‘взаимно, друг друга’.

Последние два слова обычно считают местоимениями (или показателями залогов), однако синтаксически они ничем не отличаются от наречий;

б) отрицательные и запретительные служебные наречия:

1) 不 *pə* /бу/ ‘не’ (отрицание). Соединяясь с последующим местоимением 之 *tə* /чжи/, приобретает вид 弗 *pət* /фу/. Соединяясь с доклассической эмфатической связкой 唯 *wij* /вэй/, приобретало вид 非 *pəj* /фэй/. Хотя сама связка 唯 *wij* в классическом языке изменила свои функции (см. ниже), а ее роль стала играть эквативная и эмфатическая частица 也 *hiáj* (см. выше), отрицание *pəj* в конструкции А *pəj* В ‘А = В’ сохранилось.

Строго говоря, *pə* является не только наречием; употребляясь в предикативной функции, то же слово записывается другим иероглифом (否 /фоу/) и значит ‘не быть, быть невозможным’, а при наличии объекта значит ‘сводить на нет, причинять вред’. Очень часто *pə* используется в качестве отдельного предложения со значением ‘Нет’.

Стяжение вопросительного местоимения 何 *ghāj* /хэ/ (или 胡 *ghā* /ху/) с отрицанием *pə* давало вопросительно-отрицательное наречие 盍 *ghāp* /хэ/ ‘почему (бы) не..?’.

В архаическом древнекитайском засвидетельствованы две формы отрицания: 不 *pə* и 弗 *pət*, хотя различие между ними в этот период неясно (они как будто бы свободно взаимозаменяемы). Форма 非 *pəj* появляется только в доклассический период, а форма *ghāp* — в классический. В постклассическом языке различие между *pə* (> *pəw*) и *pət* (> *pwət*) утратилось (обычной формой стало *pwət*, хотя писать продолжали 不). Отметим, что постклассическая форма *pwət* далее в разговорном языке развилась в *pot* (совр. /бу/), в то время как «литературные» иероглифы 否, 弗 сохранили книжные чтения (совр. /фоу/, /фу/ соответственно).

Отрицательная связка *pəj > pʋəj* сохранялась вплоть до среднекитайского периода;

2) 無, арх. 毋 *ma /y/* ‘не’ (запрещение). Соединяясь с последующим местоимением 之 *tə /чжи/*, приобретает вид 勿 *mət /y/*.

Это наречие в принципе можно рассматривать как специализированное употребление служебного глагола 無 *ma /y/* ‘не иметь’ (см. ниже).

В архаическом древнекитайском имелись обе запретительные формы (*ma* и *mət*), но они, как и *pə / pət*, тоже как будто бы были синонимичны. Запретительное наречие *ma* просуществовало вплоть до постклассического периода, когда оно заменилось на 莫 *māk /mo/* (бывшую дистрибутивную форму отрицательного глагола);

в) вопросительные наречия:

1) 焉 *?an /янь/*, 安 *?ān /ань/*, 惡 *?ā /y/* ‘где, куда, откуда, от кого и т. п.’ (возможно, старые диалектальные варианты). Не исключено, что налицо сложения служебного глагола 於 *?a /юй/* (см. ниже) с каким-то исчезнувшим вопросительным местоимением (форма 惡 *?ā /y/* может представлять собой стяжение из 於 *?a /юй/* + 胡 *ghā /ху/*). В постклассический период эти вопросительные наречия заменяются словом 那 *nā /но/*;

2) 豈 *kháj /ци/* ‘разве’ (показатель риторического вопроса);

3) 寧 *nēŋ /нин/* ‘разве’ (используется также в утвердительных предложениях со значением ‘лучше уж...’).

3.3. Слова, выступающие только в функции предикативов и атрибутов (но не актантов). Это — служебные глаголы. Их можно разделить на несколько групп:

А. Глаголы, управляющие всем предложением или предикативной группой. Это аналог союзов. Когда они стоят перед предикатом после субъекта (или при опущенном субъекте), их трудно отличить от наречий; однако же все союзы имеют возможность стоять в начале предложения перед подлежащим (тем самым резко отличаясь от служебных наречий). Сюда относятся:

1) 及 *gəp /цзи/* ‘когда...’. Этот союз является специализированным употреблением знаменательного слова 及 *gəp /цзи/* ‘достигнуть, догнать’ (ср. еще выше, о его употреблении в качестве показателя сочинительной связи);

2) 如 *na /жу/* ‘если...’. Этот союз является специализированным употреблением знаменательного слова 如 *na /жу/* ‘быть похожим на...’. Употребляется также в форме 若 *nak /жо/*, как будто бы без всякого различия по смыслу;

3) 使 *srə* /ши/ ‘если...; предположим, что...’. Этот союз является специализированным употреблением знаменательного слова 使 *srə* /ши/ ‘послать’ (употребляющегося также для образования «каузативной» конструкции);

4) 雖 *shwəj* /суй/ ‘даже если, хотя...’.

Все перечисленные союзы вводят придаточное предложение. Они в принципе факультативны (соответствующие и семантические связи между предложениями могут никак не выражаться). Особый случай использования союзов — их постановка перед темой высказывания (при отсутствии управляемого предиката). В этой функции используются союзы 若 *nak* /жо/ (в таком случае передающий значение ‘что касается...’) и 雖 *shwəj* /суй/ (в таком случае передающий значение ‘даже...’). Служебные глаголы *nak* и *shwəj*, таким образом, совмещают функции групп А и Б (см. ниже).

Союзы формируются в древнекитайском довольно поздно (говорить о них как об особой категории служебных слов можно, по-видимому, только начиная с конца доклассического периода); в большинстве случаев они сохраняют еще прозрачную этимологическую связь с соответствующими знаменательными словами.

Б. Глаголы, управляющие темой высказывания. Поскольку тема в древнекитайском обычно стоит в начале предложения (см. ниже), эти слова обычно называют «начальными частицами» (хотя в некоторых исключительных случаях они могут занимать и нена начальное место в предложении). Сюда относятся:

1) 唯 *wij* /вэй/ ‘только’. В архаическом и раннем доклассическом языке это было эмфатическое служебное наречие (‘именно’), а также показатель эквативной связи. Значение ‘только’ и статус «тематической частицы» это слово получило лишь в поздний доклассический период;

2) 凡 *bram* /фань/ ‘всегда, всякий’ (кванторное слово);

3) 夫 *ba* /фу/ ‘известно, что...; ведь...’;

4) 微 *təj* /вэй/ ‘если бы не...’ (по-видимому, сложение отрицательного глагола 無 *ta* /у/ с 唯 *wij* /вэй/).

Как мы уже говорили, функцию «тематических частиц» могут также выполнять слова 若 *nak* /жо/ и 雖 *shwəj* /суй/.

В. Глаголы, управляющие рематической частью высказывания (предложения). К этой группе, собственно, относится одно слово: 則 *cāk* /цзэ/ ‘следовательно...; значит...; оказалось, что...’. Это слово встречается в текстах, начиная с раннего доклассического периода, и является специализированным употреблением знаменательного слова 則 *cāk* /цзэ/

‘закон, правило; следовать, подражать, уподобляться’. Однако в классический период *sāk* в функции знаменательного слова уже не встречается.

В ряде классических текстов с тем же значением, что и у *sāk*, употребляется слово 斯 *se* /сы/ (собственно, местоимение ‘этот’ в обстоятельственной функции — ‘поэтому’).

Г. Глаголы, управляющие только предикативной группой. В этой функции они формально весьма сходны с наречиями, но по некоторым признакам (в частности, по позиции сочетающихся с ними отрицательных наречий) могут быть от них отделены. Это служебные глаголы, функционирующие как временные и диатезные показатели:

1) 既 *kác* /цзи/, 已 *lā* /и/ — показатели перфекта или действия, предшествующего другому действию. Оба являются специализацией знаменательных слов со значением ‘закончить, завершить’. Слияние отрицания 無 *ta* /у/ с 既 *kác* /цзи/ давало отрицательную форму 未 *tác* /вэй/;

2) 將 *caŋ* /цзян/ — показатель будущего времени, намерения или ожидания. Это, собственно, предикат со значением ‘собираться, намереваться’. Он может обозначать и намерение, существовавшее в прошлом;

3) 嘗 *dan* /чан/ — показатель давно прошедшего времени — собственно, специализированное употребление слова 嘗 *dan* /чан/ ‘пытаться, пробовать’;

4) 見 *kēnh* /цзянь/ — показатель «пассива» — специализированное употребление знаменательного слова 見 *kēnh* /цзянь/ ‘видеть’;

5) 所 *srá* /со/ ‘тот, которого...’, ‘то, что...’. Это слово обычно рассматривают в качестве относительного местоимения, однако этому резко противоречит его позиция: перед определением, а не после него (что было бы нормальным для относительного местоимения, ср. 者 *tiá* /чжэ/ ‘тот, кто...’, ‘то, что...’). У слова *srá* много общего с такими модальными экзоактивными словами, как 可 *kháj* /кэ/ ‘быть возможным’, 難 *nān* /нань/ ‘быть трудным’ и др. (см. выше). Если значение конструкции А *kháj* X можно описать как ‘А каузирует возможность X А’ или ‘А подвергается возможности X’, то значение атрибутивной конструкции *kháj* X А описывается как ‘А, который подвергается возможности X’ (= ‘А, который можно X’). Конструкция *srá* X А переводится как ‘А, который подвергается X’ и является, таким образом, полностью аналогичной конструкциям с модальными экзоактивными словами, а общее значение слова 所 *srá* /со/ можно выразить как ‘подвергаться’.

Следовательно, слова, следующие во фразе за *srá*, являются вовсе не постпозитивным определением, а управляемой предикативной группой.

Однако служебный глагол 所 *srá* /co/, в отличие от слов типа 可 *khāj* /кэ/ 'быть возможным', обладает дефектной синтаксической парадигмой: конструкция с *srá* встречается только в актантной или атрибутивной функции. В собственно предикативной функции *srá* опускается (мы уже говорили выше, что в этом случае значение пассива передается без всяких служебных слов или иногда при помощи 見 *kēnh* /цзянь/).

Группа служебных глаголов, собранных нами в п. Г, в архаических текстах еще отсутствовала. В доклассический период в служебной функции начинают употребляться слова 既 *kác* /цзи/, 將 *caŋ* (> *caŋ*) /цзян/, 所 *sra?* (> *srá*) /co/, а также слово 肇 *Lhaw?* /чжао/, обозначающее то, что действие только что началось и продолжается. В классический период 肇 *Lhaw?* (> *Lháu*) /чжао/ перестал употребляться в качестве служебного глагола, но в служебной функции стали употребляться слова 嘗 *daŋ* /чан/ и 見 *kēnh* /цзянь/, а 既 *kác* /цзи/ стал постепенно вытесняться сининимичным 已 *lā* /и/. В конце классического периода появился еще показатель общего прошедшего времени 曾 *zāŋ* /цэн/. Наконец, в постклассическую эпоху показатель пассива 見 *kēnh* (> *kiān*) /цзянь/ был вытеснен словом 被 *bhe* /бэй/ (первоначально 'надевать' > 'подвергаться'), а в функции показателя будущего времени стало употребляться слово 欲 *lhok* (> *zhok*) /юй/ (первоначально 'хотеть'), а также слово 當 *tāŋ* /дан/ (первоначально модальное слово 'подходить, соответствовать, быть достойным').

Д. Служебные глаголы, управляющие любым дополнением (не обязательно предикативной группой), но не предложением. Сюда относятся:

а) бытийные и кванторные служебные глаголы:

1) 有 *whá* /ю/ 'иметь' (дистрибутивная форма 或 *whāk* /хо/). Конструкция А *whá* В, в зависимости от значения актантов, может переводиться либо как 'А имеет В', либо как 'среди (у, в) А существует В'. Если В обозначает признак, свойственный кому-либо (чему-либо) из множества А, или действие /состояние кого-то из множества А, то конструкция А *whá* В переводится как 'Среди А есть такой (такое), который В'. В таких случаях после В часто ставится относительное местоимение 者 *tiá* /чже/ (А *whá* В *tiá*), либо же вместо *whá* используется производный от него дистрибутивный глагол 或 *whāk* /хо/ (А *whāk* В).

Слово 有 *whə?* (> *whá*) /ю/ засвидетельствовано уже в древнейших текстах, а дистрибутивная форма 或 *whāk* /хо/ появляется позднее, в классический период;

2) 無 *ta* /у/ 'не иметь' (дистрибутивная форма 莫 *māk* /мо/. Это слово является отрицательным коррелятом для 有 *whá* /ю/ (а 莫 *māk* /мо/, соответственно — для 或 *whāk* /хо/) и употребляется в тех же контекстах и конструкциях.

В архаическом языке отрицательной формой для 有 *whə?* /ю/ служило слово 亡 *taŋ* /ван/, постепенно заменившееся в доклассическую эпоху на 無 *ta* /у/. Параллельно (в конце доклассического периода) появилась дистрибутивная форма 莫 *māk* /мо/;

3) 如 *na* /жу/ 'быть похожим'. Отметим, что конструкция А 不如 *pə na* /бу жу/ В (букв. 'А не похоже на В') переводится как 'В лучше А'. Глагол 如 *na* /жу/ также имеет производную форму 若 *nak* /жо/, которая, однако, в классический период употребляется полностью синонимично 如 *na* /жу/ и «дистрибутивного» значения не имеет (в «дистрибутивной» функции употребляются словосочетания 或 如 *whāk na* /хо жу/, 或 若 *whāk nak* /хо жо/, 莫 如 *māk na* /мо жу/ и 莫 若 *māk nak* /мо жо/).

Сливаясь с местоимением 之 *tə* /чжи/, глагол 如 *na* /жу/ приобретает форму 然 *nan* /жань/ (с нерегулярным переходом *-t* > *-n*). Но в некоторых контекстах слияния не происходит, и сохраняется последовательность 如 之 *na tə* /жу чжи/.

В архаических текстах встречается только форма 若 *nak* /жо/, в доклассических, напротив, преимущественно 如 *na* /жу/ (若 *nak* /жо/ употребляется в этот период в основном в качестве знаменательного слова со значением 'привести в соответствие, уподобить'). Позднее 如 *na* /жу/ и 若 *nak* /жо/ употребляются в синонимичных контекстах. Производная форма 然 *nan* /жань/ засвидетельствована начиная с классического периода. В позднем классическом языке в некоторых контекстах вместо 如 *na* /жу/ употребляется форма 奈 *nās* /най/;

4) 猶 *lu* /ю/ 'быть похожим'. Имеет несколько более эмфатическое значение, чем 如 *na* /жу/, и употребляется (начиная с классического периода) в основном при сравнении ситуаций (А *lu* В = 'А все равно, что В' или 'если А — то все равно В'.) В случае, если субъект *lu* — не ситуация, а лицо, конструкция А *lu* В ('А похож на обладающего признаком В') переводится как 'даже А делает В' (или 'даже А обладает признаком В');

5) 皆 *krāj* /цзе/ 'весь, все'. Конструкция А *krāj* В означает 'для всех А верно, что В' или 'для А верно, что он сделал все В'. Это — очевидная синтаксическая и семантическая параллель для конструкции А *whá* В

(‘существует такой А, который (сделал) В’), поэтому мы считаем 皆 *krāj* /цзе/ кванторным глаголом (有 *whá* /ю/ вводит квантор существования, а 皆 *krāj* /цзе/ — квантор всеобщности). Имеется и соответствующая дистрибутивная форма 各 *krāk* /гэ/ (А *krāk* В ‘для каждого из А верно, что В’).

Слова 皆 *krāj* /цзе/ и 各 *krāk* /гэ/ начинают употребляться в позднем доклассическом языке, сменяя ранее использовавшиеся в этой функции слова 咸 *grām* /сянь/ и 率 *sruć* (> *sruwāc*) /шуай/. В архаическом древнекитайском ни одно из этих слов не засвидетельствовано.

В позднем классическом языке 皆 *krāj* /цзе/ специализируется в конструкции ‘для всех А верно, что В’; в конструкции ‘для А верно, что он (сделал) все В’ начинает использоваться новый служебный глагол 悉 (*sit* >) *sjāt* /си/ (ранее знаменательное слово ‘исчерпывать’). Однако в постклассическую эпоху (*krāj* >) *kēj* /цзе/ и (*sjāt* >) *sjit* /си/ стали взаимозаменяемы в обеих функциях. Появляется, кроме того, новое слово 都 *tō* /ду/ с теми же значениями, но также употребляющееся в функции определения к сказуемому со значением ‘совсем (не)...’, ‘совершенно (не) ...’ (в основном при отрицании);

6) 孰 *duk* /шу/ ‘кто из?’ (появляется в классический период). Конструкция А *duk* В означает ‘Для кого из А верно, что В?’ И по функции, и по форме 孰 *duk* /шу/ представляет собой дистрибутивный служебный глагол. Однако соответствующая производящая основа (誰 *dwaj* /шуй/ ‘кто, чей?’) является все же местоимением (см. 3.1), а не вопросительным глаголом;

7) 為 *waj* /вэй/ ‘быть; делать’. Это слово отличается от прочих служебных глаголов тем, что сочетает в себе как эндоактивное, так и экзоактивное значения (А *waj* В = 1. ‘А есть В, А является В’; 2. ‘А каузирует В быть’, т.е. ‘А делает В’), которые можно различить только по контексту. Глагол 為 *waj* /вэй/ используется в часто встречающейся конструкции 以 *lǎ* /и/ А *waj* В ‘из А делать В’ = ‘считать А за В, считать А обладающим признаком В’;

8) 使 *srá* /ши/ ‘каузировать’. Этот служебный глагол образует конструкцию А 使 *srá* В С ‘А каузировал (каузирует) В сделать С’ и представляет собой, собственно, специализированное употребление знаменательного слова 使 *srá* /ши/ ‘посылать’.

Оба последних глагола широко встречаются в текстах начиная с раннего доклассического периода;

б) служебные глаголы, вводящие логические сирконстанты. Эти слова обычно называют «предлогами», хотя они могут (правда, редко) выступать в качестве самостоятельных предикатов и очень близки по

своим синтаксическим свойствам к прочим служебным глаголам. Основное их синтаксическое отличие от прочих предикатов — то, что вступая в сочинительную связь с другим предикатом, они не имеют после себя (или перед собой) показателя сочинительно-предикативной связи 而 *nə* /эр/. К этой группе служебных глаголов относятся следующие:

1) 以 *lá* /и/ ‘использовать’, ‘действовать при помощи’. Ср. 君若以力, 楚國方城以為城 *kwən nak lá rak, chra kwək paŋ deŋ lá waj deŋ* /Цзюнь жо и ли, Чу го Фан-чэн и вэй чэн/ ‘Если господин применит силу, то горы Фанчэн государства Чу в результате (этого) станут крепостными стенами’. Конструкция *lá* А Х (В) (‘используя А, Х (делать) (В)’) довольно многозначна. При различных предикатах *lá* А может переводиться как ‘при помощи А’ (以刀切 *lá tāu shīt* /и дао це/ ‘резать ножом’; ср. еще с предикатами ‘давания’: 堯以天下與舜 *ŋēu lá thīn ghrá la* *kwənh* /Яо и тянь ся юй Шунь/ ‘Яо одарил Поднебесной Шуня’ = ‘Яо отдал Поднебесную Шуню’), ‘о А’, ‘относительно А’ (以父告母 *lá ba kuh mǎ* /и фу гао му/ ‘рассказать матери об отце’), ‘по причине А’, ‘на основании А’ (以王命討之 *lá whaŋ mrenh thū tā* /и ван мин тао чжи/ ‘Их наказали по приказу царя’) и т. п. О значении *lá* в конструкции *lá* А *waj* В см. выше.

Следует помнить, что местоимение 之 *tə* /чжи/ после ‘предлогов’ опускается, так что в приведенной фразе ... 以為城 *la waj deŋ = la tə waj deŋ*.

В архаическом древнекитайском слово *lə?* (> *lá*) /и/ еще было только знаменательным, и имело значение ‘вести’ (> ‘вводить’, ‘использовать’). В функции служебного глагола оно начало использоваться только в раннем доклассическом языке;

2) 由 *Lu* /ю/ ‘следовать’. Ср. 行不由徑 *grāŋ, pə Lu kēŋh* /Син, бу ю цзин/ ‘Когда ходит, никогда не идет по кратчайшей дороге’. Конструкция *Lu* А Х (В) обозначает ‘(следуя) из А, Х (делать, двигаться) (в В)’. 由 *Lu* /ю/ здесь может также значить ‘из-за’, ‘в соответствии с’. В функции служебного слова 由 *Lu* /ю/ начинает употребляться только в классический период, а к концу его появляется также синонимичный служебный глагол 從 *zhjəŋ* /цун/ (также восходящий к знаменательному слову со значением ‘следовать’, ‘двигаться вдоль’);

3) 自 *zic* /цзы/ ‘двигаться из, от’ (встречается уже в древнейших текстах). Ср. 奚自 *ghē zic* /си цзы/ ‘Откуда (ты)?’. Конструкция *zic* А Х (В) синонимична конструкции *Lu* А Х (В);

4) 於 *ʔa* /юй/ ‘находиться в’. Ср. 禹八年於外 *wa prēt nhīn ʔa ŋwāc* /Юй ба нянь юй вай/ ‘Юй восемь лет был вне (дома)’. Конструкция *ʔa* А Х (В) (или Х (В) *ʔa* А; *ʔa*, в отличие от других «предлогов», чаще следует за главным предикатом, чем предшествует ему) чаще всего обозначает

‘делать В (или находиться) в А’, ‘занимать позицию по отношению к А’. Кроме того, 於 используется при предикатах со значением ‘давания’ (與 刀 於 父 *la tāu ʔa ba* /юй дао юй фу/ ‘(Он) дал нож, (и тот) находится у отца’ = ‘Он дал нож отцу’); в сравнительной конструкции (莫 疆 焉 *māk ghaŋ ʔan* /мо цян янь/ ‘Никто не силен по отношению к нему’ = ‘Нет никого сильнее его’); а также для введения инструментального дополнения в пассивной диатезе (при экзоактивных предикатах), ср. 王 殺 於 臣 *waŋ srāt ʔa ghin* /ван ша юй чэнь/ ‘Царь был убит (его) подданными’.

Следует помнить, что сочетание слов ... 之 於 ... *tə + ʔa* стягивается в 諸 *ta* /чжу/, а ... 於 之 ... *ʔa + tə* — в 焉 *ʔan* /янь/.

В архаическом древнекитайском в той же функции, что классическое 於 *ʔa*, использовалось слово 于 *wa* /юй/. В конце доклассического периода *wa* и *ʔa* начинают конкурировать, и *wa* постепенно вытесняется (хотя в классических текстах иногда еще встречается его фонетический /диалектальный?/ вариант 乎 *wā* /ху/);

5) 為 *wajh* /вэй/ — в функции самостоятельного предиката не засвидетельствован. Конструкция *wajh* А Х (В) обозначает ‘для, ради А делать (В)’. Этимологически 為 *wajh* — несомненное производное от 為 *waj* /вэй/ ‘делать’ (см. выше). Форма *wajh* появляется только в текстах классического периода.

Местоимение 之 *tə* /чжи/ после 為 *wajh* /вэй/ также опускается (*wajh tə > wajh*);

6) 與 *la* /юй/ ‘быть вместе с’, ‘каузировать быть вместе с’ = ‘давать’. Ср. 孰 能 與 之 *duk nē la tə* /Шу нэн юй чжи/ ‘Кто может быть вместе с ним?’, а также примеры в п. 4 выше (на значение ‘давать’). Конструкция *la* А Х (В) означает ‘(вместе) с А делать (В)’. В служебной функции это слово встречается уже в доклассических текстах.

После 與 *la* в служебной функции местоимение 之 *tə* /чжи/ также обычно опускается (*la tə > la*).

Конструкции с «предлогами» могут, естественно, выступать в атрибутивной функции: 以 刀 切 者 *lá tāu shīt tiá* /и дао це чжэ/ ‘тот, который режет ножом’. Когда эти конструкции определяют свой логический объект, они, как и другие предикаты, оформляются служебным глаголом 所 *srá* /со/: 所以 刀 切 (者) *srá lá tāu shīt (tiá)* /со и дао це (чжэ)/ ‘то, что режут ножом’. Возникают, таким образом, очень распространенные сочетания служебных слов 所以 *srá lá* /со и/, 所 由 *srá ʔu* /со ю/, 所 為 *srá wajh* /со вэй/ и др. Заметим, что сочетание 所 於 *srá ʔa* /со юй/ отсутствует: в соответствующих случаях имеем просто 所 *srá* /со/, очевидно, в результате фонетического стяжения (например, 立 於 庭 *rəp ʔa ʔēŋ*

/ли юй тин/ ‘стоять во дворе’ — 所立庭 *srá rəp Lēŋ* /со ли тин/ ‘двор, в котором (кто-то) стоит’).

Конструкции с «предлогами» (как и другие предикативные конструкции) могут управляться модальными экзоактивными словами типа 可 *kháj* /кэ/ ‘быть возможным’. Ср. 以刀殺人 *lá tâu srāt nin* /и дао ша жэнь/ ‘Человека убили ножом’: 人可以刀殺 *nin kháj lá tâu srāt* /жэнь кэ и дао ша/ ‘Человека можно убить ножом’; 刀可以殺人 *tâu kháj lá srāt nin* /дао кэ и ша жэнь/ ‘Ножом можно убить человека’; 可以殺刀 *kháj lá srāt tâu* /кэ и ша дао/ ‘Нож, которым можно убить’. В классическом древнекитайском языке встречаются различные сочетания модальных слов с «предлогами», но чаще всего — сочетание 可以 *kháj lá* /кэ и/.

Служебных глаголов, управляющих логическими сирконстантами, в классическом древнекитайском еще довольно мало. К постклассическому периоду число их сильно увеличивается, они утрачивают связь с самостоятельными предикатами и с появлением категории косвенного объекта (см. ниже) становятся настоящими предлогами.

Перечисленными выше разрядами в основном исчерпываются древнекитайские служебные слова. При отсутствии частеречных характеристик у знаменательных слов информация о подобных характеристиках служебных слов абсолютно необходима для понимания древнекитайского текста.

Морфо-синтаксические сведения

Типичная структура древнекитайской словоформы — это односложный корень, иногда с префиксом *s-*, инфиксом *-r-*, суффиксом *-h* (< *-s*) (см. выше). Для идеофонов и экспрессивной лексики характерна частичная (см. там же) или полная редупликация (巍巍 *ŋwəj ŋwəj* /вэй-вэй/ ‘кажущийся огромным и высоким’ и т. п.), довольно часто представленная в поэтических текстах, но редко — в прозе.

Старые словообразовательные модели очень рано (по-видимому, уже в доклассическом древнекитайском) стали непродуктивны. Однако новое словообразование (связанное, прежде всего, с разграничением частей речи) начинает возникать только в первые века н. э. В постклассический период развивается, в частности, система сложных глаголов.

Структура предложения

Минимальная базисная структура древнекитайского простого предложения — SP (субъект — предикат), хотя субъект может иногда подвергаться эллипсису. В такой структуре субъект всегда играет логическую

роль пациенса. Простое предложение может быть расширено за счет введения объекта: SPO. В такой структуре субъект также может быть логическим пациенсом (если предикат эндоактивен); в таком случае объект является логическим сирконстантом. Если же предикат экзоактивен, то в структуре SPO логическим пациенсом является объект, а субъект — логическим агенсом. Ср.:

王 殺 *whaŋ srāt* /ван ша/ 'Царь убил' (SP, пациенс — характеристика);

臣 殺 王 *ghin srāt whaŋ* /чэнь ша ван/ 'Подданные убили царя' (SPO, агенс — действие — пациенс);

人 死 *nin sij* /жэнь сы/ 'Человек умер' (SP, пациенс — характеристика);

人 死 國 *nin sij kwāk* /жэнь сы го/ 'Человек умер за страну' (SPO, пациенс — характеристика — сирконстант).

Тип соотношения между актантами в такой системе можно охарактеризовать как «квазиэргативный» (пациенс выражается субъектом при эндоактивных предикатах и объектом при экзоактивных; агенс выражается только субъектом при экзоактивных предикатах). Однако о настоящей эргативности, конечно, не может быть речи ввиду полного отсутствия падежей и согласования.

Всякий член простого предложения может получать определение. Определение всегда непосредственно предшествует определяемому.

Характерная особенность синтаксиса древнекитайского простого предложения — отсутствие косвенных дополнений (в собственном смысле этого слова). Если логическая структура высказывания требует второго дополнения, оно вводится посредством вспомогательного глагола, находящегося в сочинительной связи с главным предикатом, ср.: 王 何 以 戈 擊 之 *whaŋ ghāj lá kwāj kək tā* /Ван Хэ и гэ цзи чжи/ 'Ван Хэ ударил его алебардой' (букв. '...использовал алебарду (и) ударил его').

О наиболее часто использующихся в этих целях служебных глаголах см. выше.

Эта черта, однако, преимущественно характеризует синтаксис классического древнекитайского языка. В архаическом и доклассическом языке еще встречались конструкции с двумя неоформленными дополнениями (правда, довольно редко). В постклассическом языке рассматриваемые вспомогательные глаголы полностью утратили возможность самостоятельного употребления и превратились в настоящие предлоги; в некоторых случаях, кроме того, снова возникла возможность использования двух беспредложных дополнений.

В простом предложении классического древнекитайского языка можно выделить следующие синтаксические отношения:

1) субъектное, связывающее субъект с предикатом. Это отношение маркируется только порядком: субъект предшествует предикату. Ср.: 鳥飛 *tīu pəj* /няо фэй/ ‘Птица летит’; 國伐 *kwāk bat* /го фа/ ‘На страну напали (Страна подверглась нападению)’;

2) объектное, связывающее объект с предикатом. Это отношение также маркируется порядком: объект всегда (за исключением некоторых случаев, оговоренных ниже) следует за предикатом. Ср.: 鳥飛天 *tīu pəj thīn* /няо фэй тянь/ ‘Птица летит по небу’; 蠻伐國 *mrān bat kwāk* /мань фа го/ ‘Варвары напали на страну’;

3) предикативно-атрибутивное, связывающее определение, являющееся логическим предикатом определяемого, с определяемым. Это отношение также маркируется только порядком: определение предшествует определяемому. Ср. 飛鳥 *pəj tīu* /фэй няо/ ‘летающая птица’; 伐國 *bat kwāk* /фа го/ ‘страна, на которую напали; напавшая страна’; 日讀 *nit lōk* /жи ду/ ‘ежедневно читать’;

4) possessивно-атрибутивное, также связывающее определение с определяемым. Это отношение можно считать трансформацией служебного глагола 有 *whá* /ю/ (см. выше), поскольку определению при этом отношении свойственны все значения, присущие субъекту глагола 有 *whá* /ю/. Это отношение чаще всего маркируется показателем 之 *tə* /чжи/, стоящим между определением и определяемым словом, хотя в некоторых случаях (когда как определение, так и определяемое сами по себе не имеют никаких зависимых слов) 之 *tə* /чжи/ может быть опущено. Ср. 王宮 *whaŋ kuŋ* /ван гун/ ‘царский дворец’; 王之宮 *whaŋ tə kuŋ* /ван чжи гун/ ‘то же’; 國之富 *kwāk tə pəh* /го чжи фу/ ‘богатство страны’;

5) актантно-атрибутивное, также связывающее определение с определяемым. Это отношение является трансформацией субъектного отношения в тех случаях, когда предикат предложения становится его субъектом, а субъект, соответственно, определением. Это отношение также обычно маркируется показателем 之 *tə* /чжи/. Ср. 鳥之飛 *tīu tə pəj* /няо чжи фэй/ ‘полет птицы’; 國之伐 *kwāk tə bat* /го чжи фа/ ‘то, что на страну напали’; 蠻之伐國 *mrān tə bat kwāk* /мань чжи фа го/ ‘то, что варвары напали на страну’;

6) актантно-сочинительное, связывающее два однородных актанта. Обычно не маркируется никак, но в определенных случаях (например, при конъюнкции местоимений) маркируется показателем 與 *la* /юй/ (в доклассических и ранних классических памятниках — 及 *gəp* /цзи/). Ср. 山野 *srān lia* /шань е/ ‘горы и поля’; 余與汝 *ʌ la nha* /юй юй жу/ ‘я и ты’;

7) предикативно-сочинительное, связывающее два однородных предиката. Чаще всего маркируется показателем 而 *nə* /эр/; однако этот показатель нередко опускается (отсутствие *nə* обязательно при сочинении знаменательного предиката со служебным, вводящим сирконстанты). Ср.: 行不由徑 *grāŋ pə ʅu kēŋh* /син бу ю цзин/ 'Ходит и (но) не следует по кратчайшей дороге'; 行而不由徑 *grāŋ nə pə ʅu kēŋh* /син эр бу ю цзин/ 'то же'; 以刀切 *lā tāu shīt* /и дао це/ 'резать ножом'.

Порядок слов в древнекитайском языке жесткий: субъект предшествует предикату, а объект следует за ним; определение предшествует определяемому. Важные отклонения от общего правила:

1) постановка объекта, выраженного личным местоимением, между отрицательным словом и предикатом в отрицательных предложениях (人見我 *nin kēnh ŋhāj* /жэнь цзянь во/ 'Люди видят меня': 人不我見 *nin pə ŋhāj kēnh* /жэнь бу во цзянь/ 'Люди не видят меня'; 或知之 *whāk tre tā* /хо чжи чжи/ 'Кто-то знает это': 莫之知 *māk tā tre* /мо чжи чжи/ 'Никто этого не знает' и т. п.);

2) постановка объекта, выраженного вопросительным местоимением, перед предикатом (人何見 *nin ghāj kēnh* /жэнь хэ цзянь/ 'Что видят люди?');

3) постановка объекта перед предикатом в предикативной группе, которая сама управляется служебным глаголом 有 *whá* /ю/ или 無 *ma* /у/ (上無道揆也 *danh ma lū gwij lhiáj* /шан у дао куй е/ 'У правителя нет пути, которому он следует'). В последнем случае возможен и нормальный порядок слов, но тогда предложение 上無揆道 *danh ma gwij lū* /шан у куй дао/ будет значить 'Среди правителей нет таких, которые следуют пути'. Здесь, таким образом, порядок слов в объектной группе указывает на различие в значениях слова *whá* (*ma*) ('(не) иметь' vs. '(не) существовать').

Если объектом является слово с определением, выраженным вопросительным местоимением, вся эта группа также ставится перед предикатом. При этом после вопросительной группы ставится еще частица 之 *tə* /чжи/, маркирующая здесь, таким образом, объектную связь: 王何卿之問也 *whan ghāj khran tə mən lhiáj* /ван хэ цин чжи вэнь е/ 'О каком министре спрашивает царь?'; 宋何罪之有 *sūŋh ghāj zwāj tə whá* /Сун хэ цзуй чжи ю/ 'Какова вина (государства) Сун?'

Порядок следования сочиненных членов предложения произвольный; отметим, однако, что служебные глаголы со своими объектами обычно ставятся перед знаменательными (исключение — служебный глагол 於 *ʔa* /юй/, обычно ставящийся после знаменательного).

В конце предложения могут стоять конечные частицы (也 *lhiáj* /e/, 夫 *ba* /фу/, 乎 *wā* /ху/, 耳 *nhā* /эр/, 矣 *xá* /и/, 哉 *cā* /цзай/ — см. выше).

Всякое предложение может включаться целиком в некоторое другое предложение на правах его субъекта или объекта (часто при этом включенное предложение выступает формально как определение к относительному местоимению 者 *tiá* /чжэ/, которое, однако, может и опускаться). В таком случае обычно во включенном предложении субъектная связь меняется на атрибутивную (2 или 3, в зависимости от исходной структуры). Ср.: 吾見師之出 *nhā kēnh srij tā thwat* /у цзянь ши чжи чу/ 'Я видел, как армия вышла (из ворот)' и т. п. Субъектная связь во включенном предложении не меняется на атрибутивную в двух основных случаях: в предложениях с прямой речью, где включенное предложение является дополнением предиката 曰 *wat* /юэ/ 'говорить, сказать', и в «каузативной конструкции» с предикатами 使 *srá* /ши/ 'послать', 請 *cheŋ* /цин/ 'просить' и т. п.

Сложное предложение в древнекитайском языке довольно трудно отличить от последовательности двух простых предложений. Ср. 人不學, 不知道 *nin pə ghrūk, pə tre lū* /жэнь бу сюэ, бу чжи дао/ 'Если человек не учится, он не знает истины' (= 'Человек не учится. Он не знает истины'). Собственно сложными можно назвать, пожалуй, лишь предложения с союзами (см. выше), среди которых можно выделить четыре основных типа (временные — с 及 *gap* /цзи/; условные — с 如 *na* /жу/, 若 *nak* /жо/; условно-предположительные — с 使 *srá* /ши/; и уступительные — с 雖 *shwəj* /суй/). К сложным нужно причислять также предложения, сказуемые которых соединены сочинительным показателем 而 *nə* /эр/, но субъекты не совпадают: 雞初鳴而衣服 *kē chra mreŋ nə ?aj bək* /цзи чу мин эр и фу/ 'Когда петухи пели в первый раз, он одевался'.

Особый случай — это предложения с вынесенной вперед темой, которую можно рассматривать как своего рода «тематическое придаточное». Возможны следующие типы тематического придаточного:

1) тематическое придаточное, совпадающее с подлежащим. Оно может быть «нулевым», т. е. никак не маркироваться; может маркироваться конечной частицей 也 *lhiáj* /e/ (обслуживающей как тему, так и рему); наконец, может маркироваться служебными глаголами 若 *nak* /жо/, 雖 *shwəj* /суй/, 唯 *wij* /вэй/, 凡 *bram* /фань/, 夫 *ba* /фу/ (см. выше), вносящими дополнительные модификации в значение предложения;

2) тематическое придаточное, не совпадающее с подлежащим. Оно выносится вперед и ставится перед подлежащим, при этом также

может маркироваться (всеми вышеупомянутыми способами), а может не маркироваться. Часто в качестве тематического придаточного выступают слова со значением времени (今 *kām* /цзинь/ 'сейчас', 昔 *siak* /си/ 'когда-то' и т. п.) или места. Если в качестве тематического придаточного выступает целое предложение, то формально предикат его становится субъектом, а субъект — атрибутом (с переводом субъектной связи в атрибутивную 2 или 3): 女子之嫁也, 母命之 *ná cá tǎ krāh lhiáj, mǎ mrenjh tǎ* /нью цзы чжи цзя е, му мин чжи/ 'Когда девушка выходит замуж, мать наставляет ее'. Если тематическое придаточное совпадает с объектом предложения, то сам этот объект в главном (рема-тематическом) предложении заменяется местоимением 3-го л.: 秦國天下莫強焉 *zín kwāk thīn ghrā māk ghan ʔan* /цзинь го, тянь ся мо цян янь/ 'Княжество Цинь — в Поднебесной нет его сильнее'.

Из сказанного выше видно, что отличительная особенность тематического придаточного в древнекитайском языке — это обязательное отсутствие в нем предиката, что резко отличает его от прочих видов придаточных предложений.

В предложениях с четко выраженным противопоставлением темы и ремы рема может не маркироваться; может маркироваться конечными частицами 也 *lhiáj /e/* и 矣 *xá /i/* (последняя подчеркивает, что рема вводит нечто новое, противопоставленное старому); наконец, может маркироваться начальным служебным глаголом 則 *cāk /цзэ/*.

Список дополнительной литературы по теме

Гуревич И. С. Очерк грамматики китайского языка 3–5 вв. М., 1974.

Крюков М. В. Язык иньских надписей. М., 1978.

Крюков М. В., Хуан Шу-ин. Древнекитайский язык. М., 1978.

Никитина Т. Н. Грамматика древнекитайских текстов. Л., 1982.

Старостин С. А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., 1985.

Karlgren B. Compendium of phonetics in Ancient and Archaic Chinese. // BMFEA 22, Stockholm, 1954.

Karlgren B. Grammata Serica Recensa. // BMFEA 29, Stockholm, 1957.

Pulleyblank E. G. The consonantal system of Old Chinese, Asia Major, vol. IX, 1962–1963, pp. 1–2.

Wang Li. Hanyu shigao. Beijing, 1957–1958.

Словари

Палладий и Попов П. С. Китайско-русский словарь. Пекин, 1888.
Большой китайско-русский словарь (под ред. И. М. Ошанина). М.,
1984.

Couvreur S. Dictionnaire classique de la langue chinoise. Ho-kien-fou,
1890.

康熙字典 [Канси цзыдянь]. Пекин, 1958.

中華大字典 [Чжунхуа да цзыдянь]. Пекин, 1978.

辭源 [Цы юань]. Пекин, 1979–1983.